

„Евангелия Хитрово“, что лишний раз доказывает широкую известность последнего. Эта копия выполнена в более сухом и каллиграфическом стиле, типичном для XV в. Характер письма указывает на начало столетия. Копиист довольно свободно обращался с оригиналом, не боясь отступать от него в деталях и нередко внося свои поправки, продиктованные изменением вкусов. Как правило, он усиливает линейное начало и оплощает все формы. В этом отношении крайне показательно, как он переиначил подножие на миниатюре с изображением Луки. Оно приняло под его кистью почти вертикальное положение, подчинившись ритму плоскости.

Другая рукопись — „Евангелие“ в Историческом музее (Епарх., 436).¹ Оно происходит из Спасо-Андроникова монастыря, где работал Андрей Рублев. Письмо указывает на первую половину XV в. На л. 1 об. представлен „Спас в силах“ (рис. 34), данный в том иконографическом изводе, который был широко распространен в кругу Феофана („Спас“ из Благовещенского собора) и Рублева (икона с изображением „Спаса“ из иконостасов Успенского собора во Владимире и Троицкого собора в Загорске, иконка в Третьяковской галерее). Украшающая л. 2 заставка (рис. 35) очень близка к цветочно-лиственным заставкам византийского типа в „Евангелии Хитрово“. Многочисленные инициалы с реалистически изображенными животными (рис. 36, 37, 38) почти буквально повторяют инициалы последней рукописи, к которым они тесно примыкают и по своему колористическому строю (преобладание разбеленного голубца). Некоторые инициалы (как, например, на лл. 189, 270 об., рис. 39) являются плодом свободного творчества. Их автор несомненно пользовался образцами феофановской мастерской, которые он порою переиначивал, а порою рассматривал просто как импульс к живому орнаментальному творчеству. „Евангелие“ из Спасо-Андроникова монастыря ясно показывает, что выученики феофановской мастерской подвизались вплоть до второй четверти XV в.

Те иконографические типы евангелистов, которые мастерская Феофана ввела в русское искусство, получили в дальнейшем широчайшее распространение в нашей миниатюре, объяснение чему следует искать в их художественном совершенстве. Эти типы счастливо сочетали в себе изящество фигурных композиций с развитыми архитектурными фонами, отличавшимися необычайным разнообразием форм. Отголоски „Евангелия Хитрово“ чувствуются в ряде рукописей — в московском „Евангелии“ конца XIV в. из Исторического музея (Чуд. 2),² в происходящем из Зарайска „Евангелии“ от 1401 г. в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина (Рум. 118),³ в „Евангелии“ Исаака Бирева от 1531 г., там же (М., 8659),⁴ в „Апостоле“ из библиотеки Троице-Сергиевой лавры, являющемся вкладом митрополита Иоасафа Скрипицына 1539 г.,⁵ и во многих других манускриптах с лицевыми изображениями.

¹ Размер 0.275 × 0.21. Это „Евангелие“ было найдено П. Д. Барановским.

² Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания, табл. CCCLXVIII, № 737.

³ В. Щепкин. Новгородская школа иконописи по данным миниатюры, стр. 10—12, табл. IV-2 (оттиск из II тома „Трудов XI археологического съезда в Киеве“, т. II, М., 1902). В этой рукописи миниатюры с евангелистами Марком и Иоанном являются вольными копиями с аналогичных миниатюр „Евангелия Хитрово“. Тем самым доказывается возникновение последней рукописи до 1401 г. Весьма показательно, как миниатюрист упростил композиционные схемы использованных им прототипов: все объемные формы он сделал по возможности плоскостными.

⁴ Н. П. Лихачев, ук. соч., табл. CCCLXXV.

⁵ Н. П. Лихачев, ук. соч., табл. CCCLXXVI, CCCLXXVII.